

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Общеуниверситетский учебно-научный центр
изучения культуры народов Сибири

СИБИРСКИЕ чтения в РГГУ

А Л Ь М А Н А Х

Выпуск 3

МОСКВА 2008

Материалы научных семинаров Центра изучения культуры народов Сибири

Семинар «Русский фольклор в Трехречье (КНР)»

Русский фольклор в Трехречье (КНР)*

В.Л. Кляус

Трехречье — район в Хулуьбуирском аймаке Автономного района Внутренней Монголии в бассейне рек Ган, Хаул и Дербул, впадающих в Аргунь. Оно было хорошо известно русским казакам, которые с XVIII в. расселялись по Приаргунью. Богатое рыбой, зверем, заливными лугами, Трехречье долгое время считалось спорной территорией, поэтому проход туда для русских был свободным и не требовал специального разрешения. Забайкальские казаки издавна имели там заимки, сенокосные угодья, пастбища, ходили на охоту и рыбалку.

В Трехречье уже в XIX в. были небольшие русские поселения, но в основном этот район стал осваиваться мигрантами из России в начале XX в., после Первой мировой войны. Пик переселенческой активности пришелся на годы Гражданской войны и утверждения в Забайкалье советской власти, когда многие несогласные с новыми порядками

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-04-12133в).

в России уходили в Трехречье, надеясь найти там мирную жизнь. В основном это были жители Приаргуныя — русские казаки, буряты и тунгусы.

По переписи 1919 г. в Трехречье проживало 450 русских семей, в среднем состоявших из семи человек. Русские здесь были подавляющим большинством, что хорошо видно из следующих данных¹:

	Русские	Буряты и тунгусы	Орочены	Китайцы	Всего
Оседлые	3150	20	—	300	3470
Кочевники	—	80	400	—	480

В 1920-х годах численность переселенцев из России в Трехречье значительно увеличилась, так как поток беженцев в этот период был особенно интенсивным. Одних только русских к 1945 г., по мнению А. Кайгородова, здесь проживало не менее 16 тыс. человек².

О фольклоре русских жителей Трехречья в 1920—1950-х годах очень мало сведений. Какие-то этнографические исследования в Маньчжурии в свое время проводили японцы, но они вряд ли записывали фольклорные тексты³. Достоверно известно лишь то, что у трехреченцев бытовала вера в порчу под названием «хомут», которая проявлялась в виде неудачи в делах, болезненном состоянии человека, в появлении на теле сине-багровых полосок. Лекарства от «хомута» не было, и его «ладили» старухи с помощью «шептаний»⁴. Известно также, что у русских Трехречья в 1920—1930-х годах бытовал обычай «умыкания невесты»: на Рождество или Пасху молодые неженатые парни разъезжали по деревням и высматривали себе невест. Заприметив девушку, парень устраивал вечерку, знакомился с ней и с жителями села, угощая их. Затем он собирал другую вечерку, на которой спрашивал у своей избранницы согласие. Если она была готова пойти за него, парень брал «задаток» — шаль или платок — и назначал день увоза. Умыкнув и спрятав девушку, жених на следующий день с водкой и угощением шел к ее родным и просил «бумагу» — разрешение на брак⁵. Родители, видимо, чаще всего соглашались, так как при подобном варианте заключения брака семьи и жениха, и невесты несли

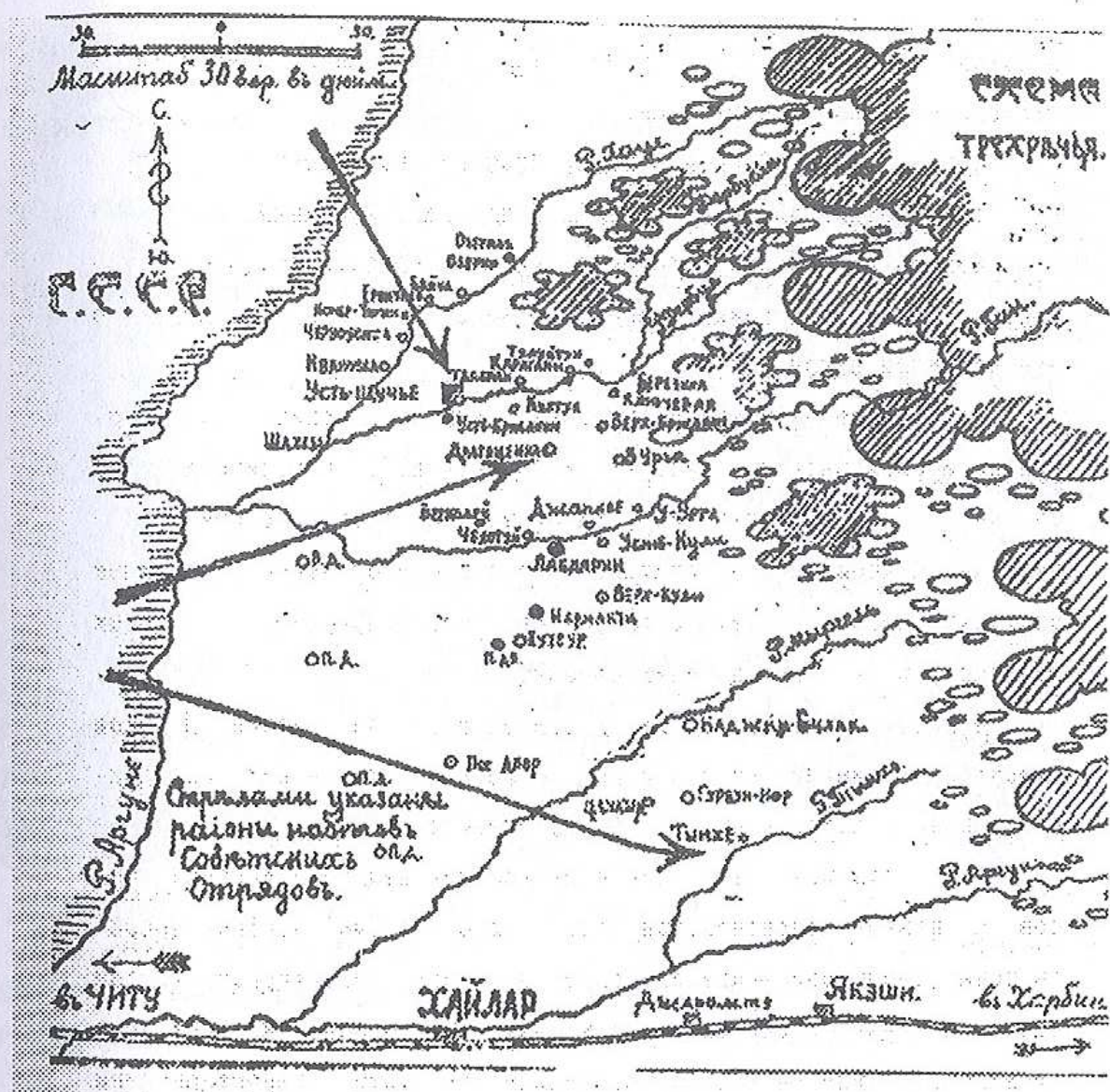

Рис. 1

наименьшие расходы. Эти немногочисленные факты показывают, что фольклор трехреченцев в целом являлся неотъемлемой частью традиции казаков Восточного Забайкалья.

Судьба русского Трехречья трагична. В конце 1920-х годов, в контексте военного противостояния между СССР и Японией, оккупировавшей Манчжурию, в Трехречье совершали боевые рейды отряды Красной армии. Информация о них содержится в русской периодике, выходившей в Китае. В частности, в одном из номеров журнала «Хлеб небесный» за 1929 г. в статье под названием «Доколе, о, Господи!» рассказывается об одном из таких рейдов, во время которого было убито более 300 мирных жителей. Здесь же дана схема Трехречья с указанием районов «набегов советских отрядов» (рис. 1). По сути, эти события были про-

должением Гражданской войны. Справедливости ради необходимо отметить, что и казаки-трехреченцы, видимо, участвовали в боевых вылазках на приграничную советскую территорию⁶.

Со второй половины XX в. численность русского населения в этом районе Китая стала резко снижаться. Установление новой власти привело к массовой эмиграции русских из Трехречья в СССР, Австралию, Аргентину, США и другие страны.

Сегодня собственно русских в Трехречье почти не осталось, но русские культурные традиции сохраняются в среде метисов, потомков межнациональных браков.

Изучение истории и культуры метисов Трехречья, так называемых местных русских⁷, приобретает в последнее время все более углубленный характер. Об этом свидетельствуют появившиеся в последние годы публикации историков, этнологов и фольклористов, их экспедиционная работа, статьи и заметки журналистов, а порой и просто туристов, оказавшихся в этих краях⁸.

Подобный интерес не случаен. Для исследователей это возможность выявить «белые пятна» истории, проследить характер и динамику этнокультурных процессов, во многом уникальных, найти и зафиксировать интереснейший фольклорно-этнографический материал. Для других авторов это прежде всего встреча с иной Россией, с ушедшей и уходящей культурой (рис. 2).

Полевые исследования, проведенные мной в августе 2007 г. в составе экспедиционной группы преподавателей Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, уже неоднократно работавших в этом регионе, позволили сделать ряд наблюдений, касающихся особенностей жанрового состава русского фольклорного фонда «местных русских» Трехречья⁹. Эти особенности, на мой взгляд, напрямую связаны с их социально-политической историей и в первую очередь с характером функционирования русского языка в их среде.

История «местных русских» Трехречья необычайно интересна. Эта группа стала формироваться, видимо, рано. Так, по рассказам, записанным от нескольких респондентов, истории их семей восходят еще к дореволюционным годам, когда из Китая (обычно называют провинцию Шаньдунь) в Россию на заработки пришли китайские рабочие,

Рис. 2

кое-кто из которых впоследствии женился на русских девушках. После нескольких лет Гражданской войны в Забайкалье некоторые из них с женами и детьми вернулись в Китай и поселились в Трехречье. Оно к этому времени заселялось русскими, в основном забайкальскими казаками, воевавшими на стороне Белого движения. Интересно, что большинство наших респондентов (в основном представители третьего поколения) не помнят о Гражданской войне. Главной причиной, по которой, по их мнению, их деды с семьями бежали в Китай, были голод и тяжелая жизнь в России.

Проживая в Трехречье в 1920–1950-х годах, метисы, конечно, были включены в жизнь русской общины, так как были православными и говорили на русском языке, но все же, видимо, занимали в ней периферийное положение. После установления в 1949 г. новой власти в Китае, когда в 1950–1960-х годах происходил массовый исход русских в Австралию, другие страны Тихоокеанского региона и в СССР, большинство метисов были вынуждены остаться

на родине своих отцов и дедов, в частности и потому, что их не пускала проводившая тогда расистскую политику австралийская иммиграционная служба, которая наиболее активно работала с русскими беженцами из Китая.

В коммунистическом Китае в период ухудшения отношений с Советским Союзом русскость метисов сыграла роковую роль. Государство предприняло все усилия, чтобы растворить эту группу среди другого населения страны (в опустевшие русские деревни Трехречья переселяли жителей других провинций страны, среди которых было много мусульман) и стереть память об их русском прошлом. В годы культурной революции всем даны китайские имена; существовал тотальный запрет на использование русского языка (в том числе и в семье). Женщинам запрещалось носить «русскую» одежду (юбки, сарафаны); уничтожались иконы, разрушались церкви, часовни, поклонные и обетные кресты и русские кладбища. Трансформировался даже облик домов, построенных русскими: с их окон убирались ставни и наличники. Нередко метисов подозревали в шпионаже в пользу СССР, и поэтому многие из них прошли тюрьмы и лагеря.

В настоящее время ситуация поменялась коренным образом. «Местные русские», которых по официальной переписи в Хулуньбуирском аймаке насчитывается 4219 человек, включены в список малочисленных этнических групп Китая¹⁰. Им оказывается финансовая поддержка для развития частного предпринимательства, особенно этнической направленности, в соответствии со специальными программами делаются попытки возродить традиционную культуру и православную религиозность, официально возвращаются русские имена и даже фамилии и др. Все это в конечном счете положительно влияет на самосознание «местных русских» и делает район Трехречья привлекательным для этнотуризма. Мы были свидетелями этого. В частности, с успехом работает туристическая программа «Путешествие по русской семье» (рис. 3).

Уже неоднократно замечено, что степень владения «местными русскими» русским языком очень незначительна¹¹. Хорошо говорит на нем только старшее поколение. И, возможно, через 10–15 лет русскую речь здесь будут слышать лишь от туристов из России.

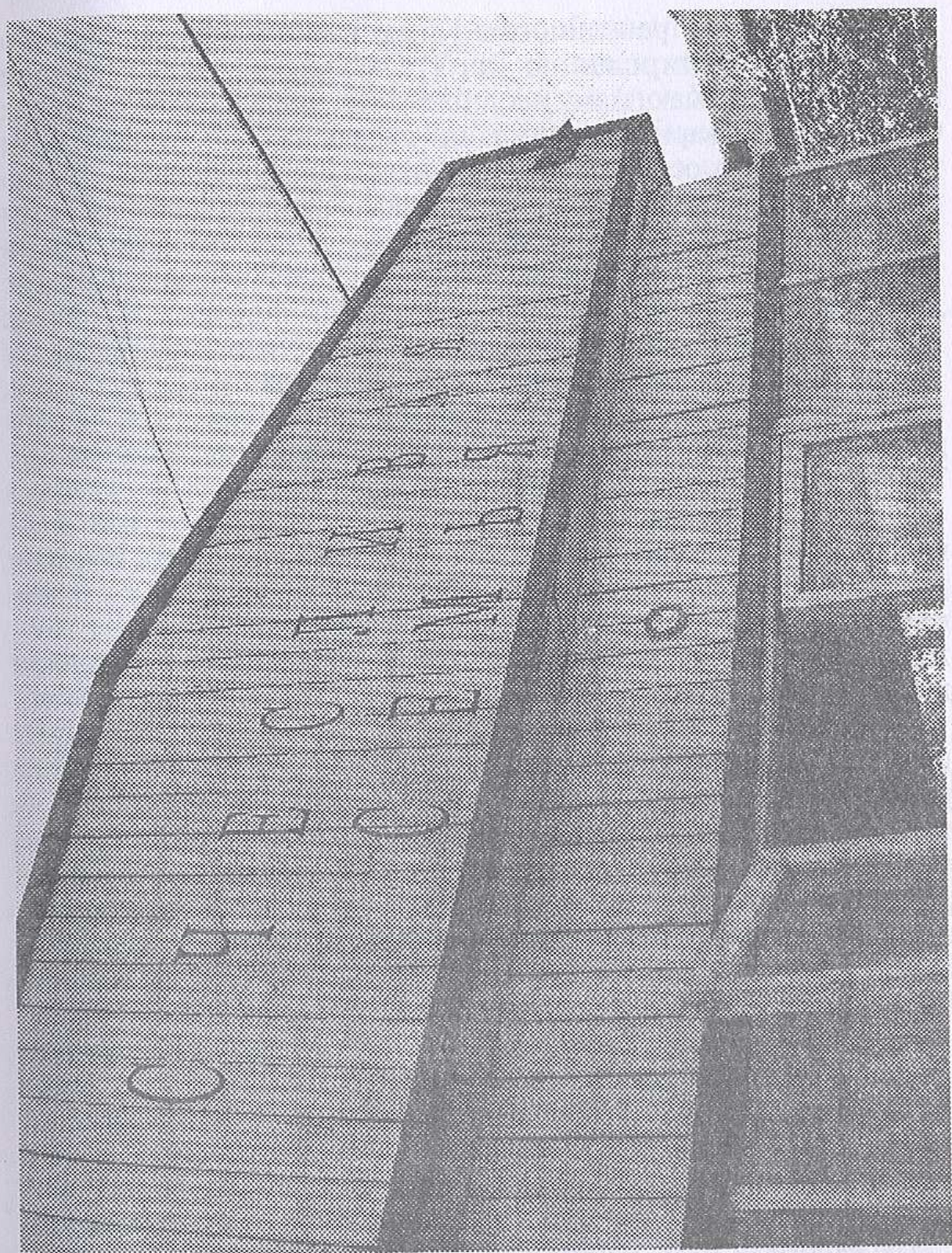

Рис. 3

Культурная революция в Китае нанесла непоправимый урон функционированию в Трехречье русского языка и фольклора. Как нам неоднократно рассказывали, люди боялись разговаривать дома по-русски даже на бытовые темы — за это могли арестовать. Что уж здесь говорить об исполнении сказок или пении песен! По свидетельству одного из наших респондентов, когда совсем невозможно было терпеть — очень хотелось попеть, люди, собравшись, залезали дома в подполье, закрывались и пели там, а в это время кто-то из детей или внуков стоял на улице и сторожил их.

Песенный фольклорный репертуар «местных русских» исключительно поздний: «Рябинушка», «В саду при долине», «Голубочек», «Чубчик», «Течет речка по песочку» и др. Такие же песни, как «Подмосковные вечера», «Катюша», «Выпьем за Ленина, выпьем за Сталина» и некоторые другие, охотно поются в нынешних «русских» застольях как по-русски, так и по-китайски. Из собственно народных песен нам удалось записать только одну — «Жил я у пана», а также услышать воспоминание о том, что раньше пели «Соловей-кукушку уговаривал».

Подобное состояние песенной фольклорной традиции, видимо, напрямую связано с запретом на использование русского языка в годы культурной революции, при которой выжили песни литературного происхождения и городские романсы. Этому способствовала их простая поэтико-мелодическая структура по сравнению с подлинно народными произведениями, возможность перевода текстов песен на китайский язык и исполнения их по-китайски. Традиционная лирика такого эксперимента не пережила.

Любопытной также оказалась судьба народной прозы. Так, нам удалось от разных исполнителей записать несколько сказок, легенд, легендарных быличек, преданий, множество устных рассказов и семейных историй. В то же время оказалось, что крайне мало распространены мифологические рассказы. Это особенно показательно, если сравнивать с современной фольклорной ситуацией в Восточном Забайкалье, где данный жанр является одним из наиболее продуктивных¹².

О таких классических персонажах русской мифологической прозы, как леший, русалка, водяной, банник, кикимора и пр., абсолютное большинство моих собеседников даже не слышали. Домового вспоминают очень редко —

обычно в связи с тем, что к нему обращались тогда, когда переезжали в новый дом. Мной зафиксировано бытование лишь нескольких быличковых сюжетов (почти все в единичных вариантах, нередко лишь в виде сообщения, а не рассказа): о женщине, которая превращалась в свинью; о том, что могут подменить ребенка у беременной женщины; о мужчине, которому подчинялись змеи; о змее, которая заползла в рот человеку; о большом змее, который переползал через дорогу; о приходящем покойнике; о домовом, который просто показывается человеку; о том, как «чудилось» в доме, потому что лежал «нехороший» предмет (кукла, коса китайца); о том, как «водило» в плохом месте. Большинство описанных рассказчиками случаев относилось к тому времени, когда в Трехречье жили «чистые» русские. При этом неоднократно отмечалось, что раньше чего-то подобного много было, но с уходом русских всего этого не стало.

Можно указать на несколько причин затухания бытования жанра мифологического рассказа у «местных русских» Трехречья. Так как он связан с представлениями о духах местности и дома, с другими архаичными верованиями, то можно предположить, что с уходом основной массы русского населения и с переселением сюда, в опустевшие бывшие русские станицы и деревни, жителей из других провинций Китая, подобного рода верования и представления перестали быть массовыми и актуальными. Кроме того, так как функционально мифологические рассказы выполняют коммуникативную роль, регулируя взаимоотношения между людьми, между людьми и природой, то условия ограничения использования языка также значительно повлияли на продуктивность жанра.

Несколько иначе обстоит дело с бытованием легенд и легендарных быличек, рассказывающих о встречах со святыми, повествующих о наказаниях за нарушения норм христианской морали и этики. Местные русские не просто сохранили представления о православии: христианская вера, приверженцами которой они остались, несмотря на все перипетии в их жизни, оказалась для них одним из важнейших элементов самоидентификации и представления о себе как об особой этнической группе. Видимо, это во многом и поддерживало существование указанных жанров во второй половине XX в., а возрождающаяся религиозность и во-

зобновление обрядовой практики, возможно, будут способствовать их бытованию и в будущем, даже с уходом русского языка.

Удивительную сохранность сказок (многие были записаны сказки «Кот-воевода», «Лиса-обманщица», «Чудо-меленка и петушок», «Змей-любовник», «Петр I и кузнец», «Колочка-свидетельница» и др.) можно объяснить прежде всего развлекательным характером этих текстов и особым жизнелюбием исполнителей, от которых они были записаны, а именно — Марии Васильевны Савиной (79 лет) из с. Щучье и Ивана Васильевича Васильева (86 лет) из с. Караванная.

Безусловно, интересной проблемой является взаимодействие русской и неславянских фольклорных и обрядовых традиций трехреченцев, так как они находятся в тесном культурном контакте с китайцами, тунгусами, монголами и бурятами (рис. 4). Но это тема особого исследования.

Более подробно хотелось бы остановиться на заговорно-заклинательной традиции. Относительно ее бытования в Трехречье в ранний период известно мало. В местных изданиях на русском языке удалось обнаружить только скудные упоминания о том, что здесь были старухи, которые «ладили» *шептаниями* «страшную» порчу «хомут»¹³. Но материалы, собранные на рубеже XIX—XX вв. среди казаков Восточного Забайкалья К.Д. Логиновским (его собрание — одно из лучших опубликованных дореволюционных коллекций этого жанра), дает возможность утверждать, что русское население Трехречья использовало заговоры часто¹⁴.

О том, что и сегодня здесь есть «русские» знахарки, я услышал от некоторых своих собеседников в Лабдарине, единственном городе Трехречья. В условиях города проводить подобного рода исследования трудно, и я надеялся, что в селах повстречая кого-то из знахарок. Так и произошло — удалось сделать видеозаписи заговорно-заклинательных обрядов в трех населенных пунктах Трехречья — Щучья, Караванная и Драгоценка. А еще в одном — Попирай — скопировать рукописный заговор, записанный на тетрадном листке.

Что касается рукописной традиции, то она, видимо, почти исчезла, так как абсолютное большинство метисов не читают по-русски, в том числе и та пожилая женщина, у которой хранится листок с заговором от испуга. По ее словам, «наговор» записала ей одна из жительниц Лабдарина, к ко-

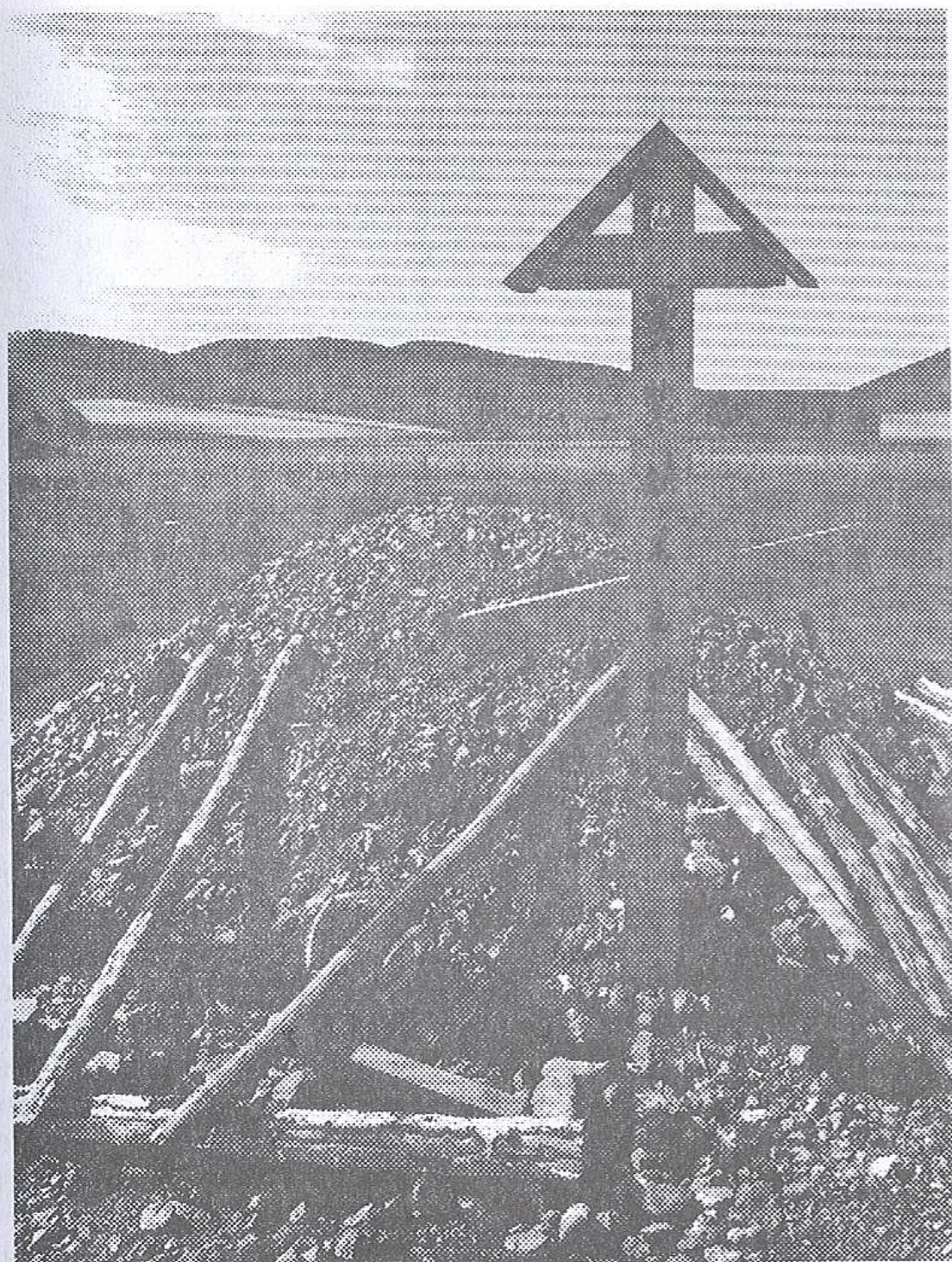

Рис. 4

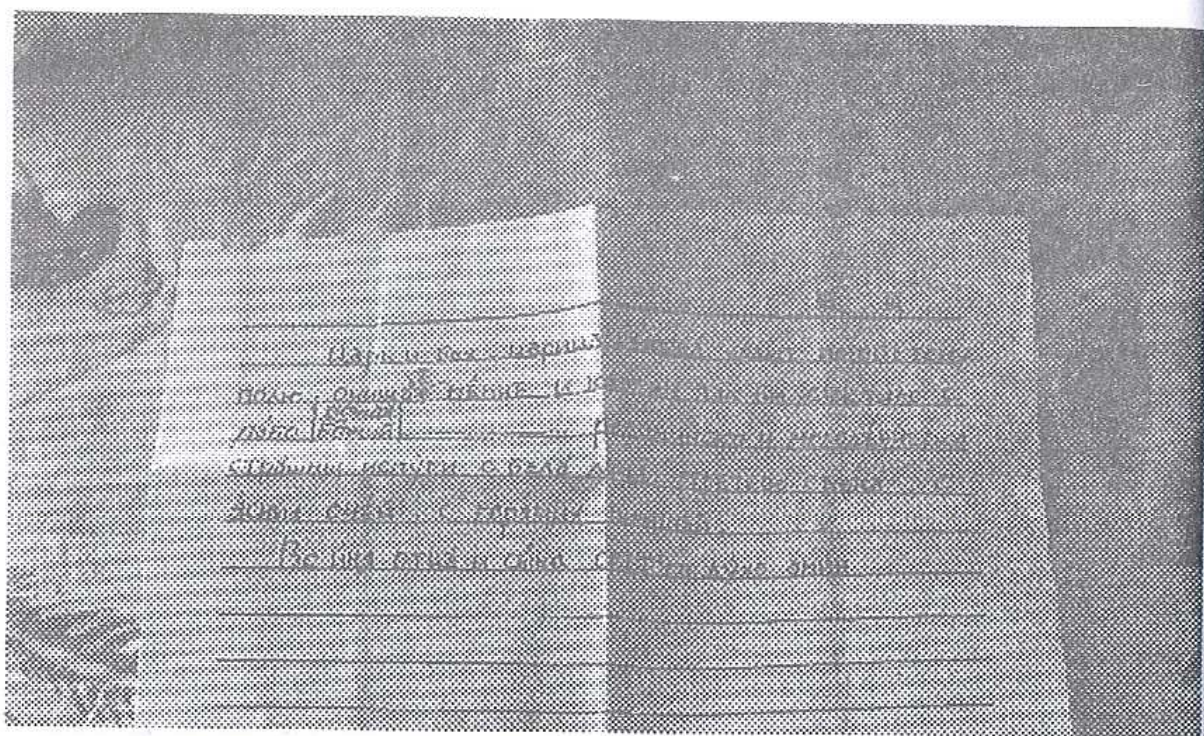

Рис. 5

торой она ездила «ладить» своего внука. Текст написан печатными буквами с указанием ударения на большинстве слов (рис. 5).

Здесь необходимо заметить, что заговоры как фольклорный жанр изучаются в основном по рукописям или по записям, сделанным собирателями от носителей традиции во время расспросов. Но видеофиксация реального исполнения заговора в обрядовом акте дает значительно больше информации, чем обычный опрос, при котором исследователю сообщается лишь текст и при этом, в лучшем случае, описывается примерная схема обрядовых действий. Видеофиксация, конечно же, не заменяет опросов. По-существу, она реализует особую стратегию полевой работы, которая не всегда этически безупречна, так как собиратель в той или иной степени разыгрывает ситуацию «лечения». А включенность в нее и соблюдение «правил» взаимоотношения со знахаркой не всегда позволяют собирателю провести полноценное интервью.

В отличие от видеосъемки других жанров фольклора, когда исполнители охотно соглашались сниматься в «кино», видеосъемка заговоров в заговорно-заклинательном акте представляет определенную трудность. Сакральный характер этих текстов часто обуславливает запрет на их произнесе-

ние при посторонних, а тем более при видеокамере. Тем не менее в своей полевой работе мы стремимся фиксировать заговоры именно в ситуациях их реального исполнения, когда человек, произносящий текст и выполняющий при этом необходимые обрядовые действия, уверен, что он делает это не для демонстрации, а для известных ему магических целей. Это дает возможность получить целостную картину бытования жанра и анализировать не только текст заговора, но и действия исполнителя.

Опрашивая жителей Трехречья, удалось выяснить, что у них бытовали заговоры от змеи, от испуга, детской бессонницы, «красноты», зубной боли, от кровотечения, оберег от злых людей, на суд.

Организуя видеофиксацию, работая с практикующими до сегодняшнего дня бабушками, в качестве пациента выступал я сам. Именно для себя я просил «поладить» воду от «порчи» и «сглаза». Как оказалось, две знахарки (из с. Драгоценка и Караванная), от которых удалось сделать по одной видеозаписи, используют и помнят «наговоры» от такого детского недуга, как «испуг», не дающий спать, и «красноты», под которой понимается какая-то кожная болезнь с неясной этиологией (рожа — ?), но она также мешала спать ребенку. «Детская» функциональная направленность заговоров, тем не менее, не стала препятствием их применения для меня, хотя и вызвало некоторое удивление в виде вопросов: «А по что Вам это?» и «Вы верите в это?». Связано это, скорее всего, с тем, что «сглаз», «порча» у взрослого человека проявляется в общем недомогании, так же, как «испуг» и «бессонница» у ребенка. Кроме этого, перечисление болезней в заговоре, который произносила знахарка из Караванной, включал в себя и такие «взрослые» недуги, как «порча» и «хомут».

Третья знахарка (из с. Щучье) провела полный комплекс «лечения» и именно от «сглаза»: она «ладила» на воду мне трижды — два раза я уносил воду и использовал ее в гостинице, в третий, последний, раз пил ее и умывался прямо в доме у бабушки.

Так как характер и порядок действий при заговаривании воды у всех знахарок оказались одинаковыми (отличие лишь в незначительных деталях и в использовании разных текстов), можно утверждать, что мной зафиксированы варианты исполнения одного заговорно-заклинательного акта.

Особый интерес в связи с рассматриваемой традицией представляют сведения о получении заговора, сообщенные знахаркой из с. Караванное, одной из двух встретившихся нам в Трехречье русских бабушек.

По рассказу знахарки, заговор, используемый ею, был получен от тунгуски, к которой она неоднократно ходила, чтобы вылечить своего ребенка от «испуга», а себя — от «родимца». Мои сомнения в правдивости этого сообщения исчезли после того, как она, воспроизводя диалог с тунгуской, попыталась интонационно продемонстрировать особенности речи своей «учительницы».

В этой связи любопытен и тот факт, что другая знахарка — из с. Щучьего — имеет прозвище Тунгуска, так как ее бабушка была «юртошной» тунгуской, вышедшей замуж за казака. Правда, наговорам она научилась у тетки, по ее словам, «чисто» русской.

Вообще отношение русского населения Трехречья к тунгусам, видимо, было весьма дружественным. Об этом свидетельствует, в частности, одно из замечаний моего пожилого респондента из «местных русских», приехавшего в г. Лабдарин со скотоводческой стоянки на рынок, женатого на тунгуске: «Тунгусы — они как русские».

В Трехречье уже в 1919 г., кроме русских, китайцев и бурят, проживали две группы тунгусо-маньчжурских народов — орочены и тунгусы.

Орочены были и остаются до сегодняшнего дня оленными тунгусами, кочуя по лесным отрогам Северного Китая. К русским же близки по своей хозяйственной культуре и быту так называемые конные тунгусы, в XIX в. проживавшие в Восточном Забайкалье, которые также перешли на китайскую территорию. Они крещеные, владеют русским языком, который, как отмечают исследователи, для них до сих пор остается средством межнационального общения¹⁵. Кроме того, некоторые тунгусы, как и буряты, служили в Забайкальском казачьем войске¹⁶. Возможно, это и послужило одной из причин их исхода в Китай после Гражданской войны.

Учитывая характер хозяйственных и культурных взаимосвязей русских и тунгусов в Восточном Забайкалье и Трехречье, неудивительно, что русская заговорно-заключительная традиция получила распространение среди последних, хотя у них бытуют свои обрядово-магические

практики, связанные с шаманизмом и другими традиционными верованиями.

Анализ текстов, записанных от знахарок Трехречья, показывает их полное соответствие с русскими заговорами на сюжетно-мотивном, образном, формульном уровнях. Однако эта традиция в Трехречье затухает: сохранились, видимо, только наговоры, помогающие от «сглаза», детского «испуга» и бессонницы. Именно они остаются актуальными для «местных русских» в условиях китайского окружения, несмотря на запрет использования русского языка в годы культурной революции.

Таким образом, функционирование русского языка в специфических социально-политических условиях способствовало своеобразной трансформации фольклорной традиции у старшего поколения «местных русских» Трехречья — полному забвению традиционной песенной лирики, неактуальности жанра мифологических рассказов, функциональному сужению заговорно-заклинательной поэзии при сохранности христианских легенд и сказочного фольклора, что совершенно нехарактерно для современного состояния «материнской» традиции — фольклора бывших казачьих станиц Восточного Забайкалья.

Сделанные выводы, конечно же, во многом носят предварительный характер. Хотелось бы подчеркнуть, что значение фольклорно-этнографических экспедиционных исследований в Трехречье трудно переоценить. Они позволяют, в частности, с точки зрения современных научных требований, с использованием визуально-антропологических методов наиболее адекватно зафиксировать последние примеры бытования русского фольклора в Трехречье. Кроме этого, проявление интереса со стороны российских исследователей к «местным русским» как к последним носителям русской культуры в регионе обнаруживает особую функциональность языка и фольклора: они являются знаком принадлежности к русскому суперэтносу и русской культуре, способствуют восстановлению связей с родственниками и знакомыми, которые живут в России и в других странах, а главное, дарят людям обычную человеческую радость и эстетическое удовольствие в ситуациях встречи и общения. Язык и фольклор оказываются не просто средствами коммуникации, но раскрываются как особая реальность, через которую выражаются социальные, мировоззренческие, этнические и другие цен-

ности духовной культуры. Все это в конечном счете придает уникальность каждому фольклорному тексту, записанному от «местных русских» Трехречья.

- 1 Цит. по: *Кормазов В.А.* Трехречье. Обычаи и суеверия // Очерки стран Дальнего Востока. Вып. 2. Харбин, 1931. С. 193.
- 2 *Кайгородов А.М.* Трехречье // Казачья доля. Чита, 1995. С. 105.
- 3 См.: *Игауэ Н.* Представление о маньчжурских старообрядцах в японских письменных и визуальных материалах (середина XX – начало XXI в.) // Старообрядчество: история и современность, русские и зарубежные страны. Улан-Удэ, 2007. С. 134–139; *Сакамото Х.* Старообрядческая деревня Усть-Шифровая в Трехречье // Там же. С. 107–113.
- 4 *Кормазов В.А.* Указ. соч. С. 197.
- 5 Там же.
- 6 Ордена Ленина Забайкальский. История ордена Ленина Забайкальского военного округа. М., 1980. С. 52.
- 7 Термин «местные русские» официально принят в КНР как название данной этнической группы.
- 8 См.: *Кайгородов А.М.* Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2; *Он же.* Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 4; *Он же.* Русские заимки в Трехречье (по личным наблюдениям) // Советское Приаргунье. 1993. № 56. 20.07; *Он же.* Трехречье // Казачья доля. Чита, 1995; *Куйли Лю.* Китайско-русские потомки на реке Аргунь // Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (горизонты комплексных исследований). Чита, 1995; *Он же.* «Китайские русские» на правом берегу реки Аргунь // Живая старина. 2001. № 2; *Кляус В.Л.* К истории русского Трехречья // Славянская культура. Традиции и преемственность. Чита, 1997; *Бутузов А.* Судьбы русской диаспоры // Азия и Африка сегодня. 2002. № 9; *Сакамото Х.* Указ. соч.; *Аргудяева Ю.В.* Русское поселение в Трехречье // <http://www.abirus.ru/orporul3.htm>; *Петров Л.А.* Между молотом и наковальней (Страхи и надежды русской диаспоры в Китае) // http://world.lib.ru/p/petrov_l_a/diaspora.shtml; <http://north-korea.-narod.ru/diaspora.htm>; *Поздняев Д.* Три дня в Трехречье // <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=842&did=647>; *Тарасов А.* Русские в приграничном Китае // http://asiaracific.narod.ru/countries/china/russians_in_china_1.htm
- 9 Экспедиция была организована при поддержке РГНФ. Проект № 07-01-18078е. Работа проводилась в г. Лабдарин и шести населенных пунктах – Щучье, Ернишное, Попирай, Караванная, Драгоценка, Усть-Кули. Я употребляю их старые русские названия; естественно, сегодня они именуются по-китайски.
- 10 Здесь нужно отметить, что в Трехречье, точнее в с. Караванная, которое является центром Русского уезда, мы встретили

двух, как здесь говорят, «чистых» русских бабушек. Они вышли замуж за китайцев в 1950-х годах и из-за того, что не захотели расставаться с мужьями и детьми, остались в Китае. Данные за 1999 г. См.: *Тарасов А.* Указ. соч.

- 11 См.: *Поздняев Д.* Указ. соч.; *Куйли Лю.* Указ. соч. и др.
- 12 См.: Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.
- 13 *Кормазов В.А.* Указ. соч. С. 197.
- 14 См.: *Логоновский К.Д.* Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья // Записки Приамурского отдела РГО. 1899. Т. 5. Вып. 2. С. 1–94; *Он же.* Материалы к этнографии забайкальских казаков // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО. 1903. Т. 9. Вып. 1. С. 1–135.
- 15 *Уварова Т.Б.* Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. М., 2005. С. 134.
- 16 См.: *Буссе Ф.Ф.* Забайкальское инородческое войско. М., 1897; *Самбуева Л.В.* Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества (вторая четверть XVIII – первая половина XIX в.). Улан-Удэ, 2003.